

В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДЕ РОССИИ

Обзор постановлений, вынесенных Конституционным Судом Российской Федерации

МАРТ • 2015

Постановление от 24 марта 2015 года № 5-П по делу о проверке конституционности статьи 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201503250003; дата опубликования: 25.03.2015)

Правовые категории в Постановлении: право собственности; право на жилище; правовая неопределенность; государственная регистрация прав на недвижимое имущество.

Заявитель: гражданин А. М. Богатырев (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: статья 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования она служит основанием для решения вопроса о возможности сохранения права пользования жилым помещением в доме жилищно-строительного кооператива в случае обращения взыскания на него как на заложенное имущество и его реализации путем продажи с публичных торгов за лицами, которым это право было предоставлено на основании ордера.

Позиция заявителя: статья 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» нарушает права, гарантированные статьями 17 (часть 3), 35 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции РФ, поскольку содержащееся в данной статье нормативное положение — по смыслу, придаваемому ему судебной практикой, — допускает возможность сохранения права поль-

зования жилым помещением в доме жилищно-строительного кооператива, на которое как на предмет залога было обращено взыскание, за лицами, получившими это право на основании ордера на предоставление данного жилого помещения.

Итоговый вывод решения: статья 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» не соответствует Конституции РФ, ее статьям 19 (части 1 и 2), 35 (части 1–3), 40 (часть 1), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой на основании содержащейся в ней нормы разрешается вопрос о возможности сохранения права пользования жилым помещением в доме жилищно-строительного кооператива за лицами, которые были включены в ордер на его предоставление, в случае обращения взыскания на данное жилое помещение как на заложенное имущество и его реализации с публичных торгов.

Конституционный Суд РФ указал, что федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на создание механизма, обеспечивающего при соблюдении баланса прав и законных интересов членов семьи прежнего собственника отчуждаемого жилого

помещения и собственника (приобретателя) данного жилого помещения их эффективную реализацию и защиту. До внесения надлежащих изменений в законодательство судам при разрешении вопроса о возможности сохранения права пользования этим жилым помещением за членами семьи прежнего собственника, включенными в ордер на его предоставление в соответствии с ранее действовавшим законодательством, следует учитывать фактические обстоятельства конкретного дела (наличие у членов семьи прежнего собственника права пользования иным жилым помещением, разницу между суммой, вырученной в ходе реализации жилого помещения, и суммой взысканного долга, обеспеченного залогом, возможность использования этих средств для приобретения иного жилого помещения в собственность или его найма и т. д.).

Мотивы решения. Действующее жилищное законодательство не определяет содержание прав членов семьи собственника жилого помещения в доме жилищного или жилищно-строительного кооператива в случае утраты им права собственности. Сложившаяся правоприменительная практика в случае отчуждения жилого помещения защищает их права по аналогии с правами членов семьи собственника приватизированного жилого помещения, отказавшихся от приватизации в его пользу, то есть право пользования таким помещением за ними сохраняется. Между тем имеются определенные различия в правовой природе приобретения права собственности на жилое помещение членом жилищно-строительного кооператива в связи с полным внесением им паевого взноса и нанимателем жилого помещения в порядке его приватизации и обусловленные этим различия в правах членов семьи собственников соответствующих жилых помещений.

При этом обременение права собственности на жилое помещение правом членов семьи его прежнего собственника пользоваться этим жилым помещением существенно ограничивает правомочия его нового собственника, тем более если он не был своевременно проинформирован о наличии прав третьих лиц на данное жилое помещение и не выражал своего согласия на его приобретение с имеющимися обременениями.

Применительно к правоотношениям по поводу купли-продажи жилого помещения

положение статьи 35 (часть 1) Конституции РФ, согласно которому право частной собственности охраняется законом, не может быть интерпретировано как позволяющее игнорировать законные интересы приобретателя жилого помещения, реализуемого с публичных торгов и обремененного предоставленным ранее членам семьи его прежнего собственника правом пользования этим жилым помещением. В связи с этим оспариваемая в данном деле норма не может рассматриваться в качестве надлежащей гарантии защиты прав участников гражданского оборота, действующих разумно и добросовестно, в той мере, в какой она позволяет сохранять при переходе права собственности на жилое помещение в случае обращения взыскания на него как на заложенное имущество и его реализации путем продажи с публичных торгов обременения данного права, притом что требование их государственной регистрации законодательно не установлено. Вместе с тем требование государственной регистрации соответствующих прав могло бы выступить значимой гарантией информирования приобретателя жилого помещения о возможных обременениях приобретаемого права собственности.

При отсутствии законодательных норм, прямо регулирующих вопрос о возможности сохранения за членами семьи прежнего собственника жилого помещения в доме жилищно-строительного кооператива в случае его отчуждения с публичных торгов права пользования этим жилым помещением, применение статьи 19 Федерального закона «О введении в действие Жилищного кодекса Российской Федерации» по аналогии закона (статья 7 ЖК РФ) не только существенно ограничивает право собственности приобретателя такого жилого помещения, но и создает неопределенность в правовом положении членов семьи прежнего собственника отчуждаемого жилого помещения. Конституционный Суд РФ пришел к выводу, что указанная неопределенность в правовом регулировании не может быть устранена посредством конституционно-правового истолкования оспариваемого положения без ущерба для защиты прав тех или иных участников рассматриваемых правоотношений.

Акты международного права, использованные в Постановлении: статья 25 Всеоб-

шей декларации прав человека, провозглашающая, в частности, что каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслу-

живание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи.

Особые мнения по данному делу представили судьи Г. А. Гаджиев и В. Г. Ярославцев.

Постановление от 31 марта 2015 года № 6-П по делу о проверке конституционности пункта 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» и абзаца третьего подпункта 1 пункта 1 статьи 342 Налогового кодекса Российской Федерации

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201504020021; дата опубликования: 02.04.2015)

Правовые категории в Постановлении: право на судебную защиту; нормативный правовой акт; оспаривание нормативных правовых актов.

Заявитель: открытое акционерное общество «Газпром нефть» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 1 части 4 статьи 2 Федерального конституционного закона «О Верховном Суде Российской Федерации» в той мере, в какой на его основании в действующей системе правового регулирования разрешается вопрос о возможности судебной проверки актов Федеральной налоговой службы (далее — ФНС России) как федерального органа исполнительной власти, содержащих разъяснения по вопросам, связанным с применением налоговыми органами норм налогового законодательства.

Позиция заявителя: оспариваемое законоположение противоречит Конституции РФ, ее статьям 8, 34, 35, 46 и 57, поскольку, по существу, воспроизводит примененный в деле заявителя пункт 2 части первой статьи 27 ГПК РФ в редакции, действовавшей до принятия названного Федерального конституционного закона, ограничивает право на судебное оспаривание актов ФНС России, которые устанавливаются для налогоплательщиков не предусмотренные НК РФ, а именно подпунктом 1 пункта 1 его статьи 342, обязанности, то есть, по сути, являются нормативными правовыми актами.

Итоговый вывод решения: обжалуемая норма признана не соответствующей Конституции РФ, ее статьям 15 (части 1 и 2), 46 (части 1 и 2) и 55 (часть 3), в той мере, в какой

она — по смыслу, приданному ей судебным толкованием, в системе действующего правового регулирования — не допускает разрешение судом административных дел об оспаривании таких актов ФНС России, которые не соответствуют формальным требованиям, предъявляемым к нормативным правовым актам федеральных органов исполнительной власти, по форме, субъекту и порядку принятия, регистрации и опубликования, но при этом содержат обязательное для всех налоговых органов разъяснение (нормативное толкование) налоговых законоположений, которое может противоречить их действительному смыслу и тем самым нарушать права налогоплательщиков.

Федеральному законодателю надлежит внести в действующее правовое регулирование изменения, направленные на установление особенностей судебного рассмотрения дел об оспаривании актов федеральных органов исполнительной власти, в том числе актов ФНС России, содержащих разъяснения налогового законодательства, которые формально не являются нормативными правовыми актами, но фактически обладают нормативными свойствами. До внесения в действующее правовое регулирование надлежащих изменений, вытекающих из данного Постановления, рассмотрение дел об оспаривании таких актов ФНС России должно осуществляться в порядке, предусмотренном процессуальным законодательством для оспаривания нормативных правовых актов.

Мотивы решения. Требование определенности правового регулирования не исключает использование оценочных или обще-

принятых понятий, значение которых должно быть доступно для уяснения либо непосредственно из содержания конкретного нормативного положения, либо посредством выявления взаимосвязи правовых предписаний в судебном порядке (см.: *постановления от 11 ноября 2003 года № 16-П, от 14 апреля 2008 года № 7-П, от 5 марта 2013 года № 5-П, от 23 мая 2013 года № 11-П; Определение от 16 июля 2013 года № 1173-О и др.*).

Толкование законодательных предписаний может быть осуществлено также путем разъяснения нормативного содержания того или иного законоположения применительно ко всем правоотношениям, возникающим на его основе, что требует принятия уполномоченным органом соответствующего акта. По смыслу норм НК РФ и Положения о ФНС России, не исключается право ФНС России принимать акты информационно-разъяснительного характера. Такие акты адресованы непосредственно налоговым органам и должностным лицам, применяющим соответствующие законоположения. Обязательность содержащихся в них разъяснений для налогоплательщиков нормативно не закреплена, однако через правоприменительную деятельность должностных лиц налоговых органов такие акты приобретают, по сути, обязательный характер для неопределенного круга налогоплательщиков.

Право на оспаривание в судебном порядке нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, противоречащих федеральному закону и затрагивающих права и свободы граждан, установлено в действующем процессуальном законодательстве и законодательстве о судостроительстве. В сложившейся правовой доктрине и юридической практике под нормативным правовым актом понимается письменный официальный документ, принятый (изданный) в определенной форме правотворческим органом в пределах его компетенции и направленный на установление, изменение или отмену правовых норм, а под правовой нормой — общеобязательное государственное предписание постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение. С доктринальным пониманием нормативного правового акта в целом согласуются как правовая позиция Конституционного Суда РФ, в силу которой

нормативный правовой акт — это акт общего действия, адресованный неопределенному кругу лиц, рассчитанный на многократное применение, который содержит конкретизирующие нормативные предписания, общие правила и является официальным государственным предписанием, обязательным для исполнения (см.: *Постановление от 17 ноября 1997 года № 17-П*), так и выводы иных высших судебных органов.

Согласно сложившемуся подходу Верховного Суда РФ легальность нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти предполагает не только наличие в них определенного, не противоречащего закону нормативного содержания (общего правила), но и соблюдение надлежащей законной формы, порядка принятия и обнародования.

Обращаясь к вопросу о возможности проверки в судебном порядке актов федерального органа исполнительной власти, в которых даются письменные разъяснения по вопросам применения налогового законодательства, Конституционный Суд РФ отмечал, что статьи 29, 150 и 198 АПК РФ, рассматриваемые во взаимосвязи со статьей 137 НК РФ, не препятствуют оспариванию в судебном порядке актов соответствующего федерального органа исполнительной власти, если по своему содержанию они порождают право налоговых органов предъявлять требования к налогоплательщикам (см.: *определения от 5 ноября 2002 года № 319-О, от 20 октября 2005 года № 442-О и от 3 апреля 2007 года № 363-О-О*).

По смыслу статей 15 (части 1–3), 46 (части 1 и 2) и 118 (часть 2) Конституции РФ в основе допустимости проверки в данной процедуре акта ФНС России прежде всего должно лежать наличие у этого акта нормативных свойств. Если оспариваемый акт ФНС России обладает свойствами, позволяющими применять его в качестве обязывающего предписания общего характера, то его облечение в форму разъяснения само по себе не может служить основанием для признания недопустимости его проверки на соответствие федеральному закону.

Между тем отсутствие в действующем законодательстве четкого определения оснований и условий судебного оспаривания заинтересованными лицами актов федеральных ор-

ганов исполнительной власти, обладающих нормативными свойствами и разъясняющих предписания федеральных законов, повлекло разноречивую практику при решении вопроса относительно значения формальной стороны характеристики такого акта (порядок издания, опубликования, регистрация в Минюсте России и т.д.). В результате возможность оспаривания актов ФНС России, разъясняющих предписания налогового законодательства, в процедуре, предусмотренной для оспаривания нормативных правовых актов, носит во многом ситуативный характер. При этом отказ в судебной проверке разъяснений, обладающих нормативными свойствами, по форме не являющихся нормативными правовыми актами, по сути, пролонгирует их действие в правоприменительной налоговой практике в качестве официального нормативного толкования, которое может противоречить их действительному смыслу и притом распространяется на неопределенный круг лиц.

Отсутствие в законодательстве положений о порядке оспаривания заинтересованными лицами актов федеральных органов исполнительной власти, являющихся актами разъяснения тех или иных законоположений

и обладающих нормативными свойствами, препятствует эффективному судебному оспариванию таких актов и ухудшает положение подпадающих под их действие лиц. Снижение уровня гарантий судебной защиты прав этих лиц по сравнению с лицами, оспаривающими акты, имеющие официальный, формализованный нормативный статус, нельзя признать справедливым и соразмерным в контексте требований статьи 55 (часть 3) Конституции РФ.

Акты международного права, использованные в Постановлении: статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, гарантирующая право каждого на справедливое судебное разбирательство, во взаимосвязи с ее статьей 13, гарантирующей каждому эффективное средство правовой защиты; Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 февраля 2010 года по делу «Казюлин против России»; пункт 13 приложения к Рекомендации Комитета Министров Совета Европы от 12 мая 2004 года Rec (2004) 6 «О повышении эффективности внутренних средств правовой защиты».

Особые мнения по данному делу представили судьи Ю. М. Данилов и Г. А. Жилин.

АПРЕЛЬ • 2015

Постановление от 7 апреля 2015 года № 7-П по делу о проверке конституционности положений пунктов 1 и 2 статьи 1064 Гражданского кодекса Российской Федерации и пункта «а» части второй статьи 166 Уголовного кодекса Российской Федерации

(официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 000120150409000; дата опубликования: 09.04.2015)

Правовые категории в Постановлении: возмещение имущественного вреда; уголовная ответственность; гражданский иск в уголовном судопроизводстве; право частной собственности; право на судебную защиту; обеспечение доступа к правосудию.

Заявитель: гражданин В. В. Кряжев (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункты 1 и 2 статьи 1064 ГК РФ и пункт «а» части второй статьи 166 УК РФ постольку, поскольку на основании этих положений в их взаимосвязи разрешается вопрос о возможности возмещения имущественного вреда лицами, признан-

ными виновными в угоне автомобиля, лицу, потерпевшему по уголовным делам об угоне и о последующем хищении принадлежащего ему автомобиля, в случае, когда лицо, совершившее хищение, не установлено, а автомобиль не найден.

Позиция заявителя: по мнению В. В. Кряжева, положениями статьи 1064 ГК РФ и статьи 166 УК РФ нарушаются права, гарантированные статьями 35, 46 и 52 Конституции РФ, поскольку оспариваемые положения не позволяют обеспечить потерпевшему от преступления право на возмещение ущерба лицами, совершившими угон его автомо-

бия, а также препятствуют предъявлению лицами, совершившими угон, регрессного требования к лицу, виновному в последующем хищении данного автомобиля.

Итоговый вывод решения: Конституционный Суд РФ признал пункты 1 и 2 статьи 1064 ГК РФ и пункт «а» части второй статьи 166 УК РФ не соответствующими Конституции РФ, ее статьям 35 (части 1 и 2), 46 (часть 1), 52 и 55 (часть 3), в той мере, в какой эти положения в их нормативном единстве — по смыслу, придаваемому им судебным толкованием, — не позволяют обеспечить возмещение виновным в угоне автомобиля лицом имущественного вреда, причиненного собственнику этого автомобиля в связи с его угонем и последующей кражей, совершенной неустановленным лицом.

Мотивы решения. Согласно статье 52 Конституции РФ, права потерпевших от преступлений охраняются законом; государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба. Обязанность государства гарантировать защиту прав потерпевших от преступлений, в том числе путем обеспечения им адекватных возможностей отстаивать свои интересы в суде, вытекает также из положений статьи 21 (часть 1) Конституции РФ, согласно которым достоинство личности охраняется государством и ничто не может быть основанием для его умаления. Применительно к потерпевшим от преступлений это конституционное предписание обязывает государство не только предотвращать и пресекать в установленном законом порядке какие бы то ни было посягательства, способные причинить вред и нравственные страдания личности, но и обеспечивать потерпевшему возможность отстаивать свои права и законные интересы любыми не запрещенными законом способами, поскольку иное означало бы умаление чести и достоинства личности не только лицом, совершившим противоправные действия, но и самим государством (см.: *постановления от 24 апреля 2003 года № 7-П и от 25 июня 2013 года № 14-П*).

Из приведенных положений Конституции РФ и основанной на них правовой позиции Конституционного Суда РФ следует, что способы защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений, должны быть максимально эффективными, с тем что-

бы гарантировать им с наиболее высокой степенью вероятности восстановление нарушенного права или утраченного блага.

Одно из правовых средств, предназначенных для реализации предписаний статьи 52 Конституции РФ и конкретизирующего ее пункта 1 части первой статьи 6 УПК РФ, а именно для защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, — гражданский иск о возмещении имущественного вреда, причиненного преступлением, который может быть подан по усмотрению потерпевшего в рамках производства по уголовному делу либо в порядке гражданского судопроизводства с учетом установленной законом подведомственности дел в суд общей юрисдикции или в арбитражный суд.

Как указал Конституционный Суд РФ, обязанность возместить причиненный вред является, как правило, мерой гражданско-правовой ответственности, которая применяется к причинителю вреда при наличии состава правонарушения, включающего наступление вреда, противоправность поведения причинителя вреда, причинную связь между противоправным поведением причинителя вреда и наступлением вреда, а также его вину (см.: *Постановление от 15 июля 2009 года № 13-П*).

В уголовно-правовой сфере основанием уголовной ответственности является, согласно статье 8 УК РФ, совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления, предусмотренного данным Кодексом. Общеизвестно опасные последствия совершенного преступления — в зависимости от конструкции его состава (материального и формального) — могут входить или не входить в число признаков, обязательных для его признания окончанным.

Устанавливая уголовную ответственность за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон), статья 166 УК РФ непосредственно не закрепляет в числе обязательных признаков данного преступления наступление тех или иных общественно опасных последствий.

Статья 166 УК РФ рассматривается в судебной практике как не предполагающая возможность причинения потерпевшему иного имущественного вреда, то есть связанного не

с повреждением или уничтожением угнанного автомобиля, а с его последующей утратой (см.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 декабря 2008 года № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения»). Хотя имущественный ущерб и не включен в конструкцию основного состава преступления, предусмотренного данной статьей, в системе уголовно-правового и уголовно-процессуального регулирования с учетом требований статьи 52 Конституции РФ это не означает, что лицо, незаконно завладевшее чужим автомобилем при отсутствии умысла на его хищение (путем угона), не несет имущественной ответственности за вред, причиненный потерпевшему в результате последующего хищения угнанного автомобиля неустановленным лицом.

Не содержит препятствий для признания за потерпевшим права требовать возмещения имущественного вреда от лиц, совершивших угон принадлежащего ему автомобиля, если в результате противоправных действий или бездействия этих лиц автомобилю был причинен вред, выразившийся как в его повреждении, так и в похищении неустановленным лицом, и сама по себе статья 1064 ГК РФ. В силу того что нарушение права собственности и, соответственно, причинение имущественного вреда собственнику начинается с момента, когда виновное лицо неправомерно завладело имуществом (в данном случае — автомобилем) и тем самым лишило собственника реальной возможности владеть, пользоваться и распоряжаться им по своему усмотрению (в

том числе обеспечивать его сохранность), с того же момента следует считать возможным привлечение этого лица к имущественной ответственности (в данном случае — за вред, причиненный последующей кражей неустановленным лицом угнанного автомобиля).

Поскольку в результате действий лица, неправомерно завладевшего чужим автомобилем, его собственник лишается контроля над своим имуществом (чем и создаются объективные условия для его последующей кражи третьими лицами), необходимо исходить из того, что виновный в угоне *ipso facto* принимает на себя ответственность за последующую судьбу данного имущества — вплоть до фактического возвращения автомобиля собственнику или до привлечения к ответственности лица, совершившего кражу данного автомобиля, если не докажет, что в результате его действий (бездействия) не были созданы условия для последующей утраты собственником его автомобиля.

Иной подход к решению вопроса о возмещении имущественного вреда, причиненного потерпевшему в связи с угоном принадлежащего ему автомобиля, — в системе действующего правового регулирования, а также с учетом реально складывающихся в таких ситуациях общественных отношений, — не гарантирует обеспечение баланса конституционно значимых ценностей на основе принципа справедливости и равенства.

Акты международного права, использованные в Постановлении: пункты 1, 4 и 6 Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (принята 29 ноября 1985 года Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН).

Постановление от 16 апреля 2015 года № 8-П по делу о проверке конституционности пункта 3 части первой статьи 26 Федерального закона «Об оружии»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201504170008; дата опубликования: 17.04.2015)

Правовые категории в Постановлении: свобода предпринимательской и иной экономической деятельности; право собственности; оборот оружия; лишение разрешения на хранение и использование оружия.

Заявитель: негосударственное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования «Учебно-технический центр «Кольчуга»» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 3 части первой статьи 26 Федерального закона «Об оружии», поскольку содержащееся в нем положение выступает правовым основанием для аннулирования уполномоченным органом выданного юридическому лицу разрешения на хранение, использование оружия и патронов к нему в связи с выявлением допущенных этим юридическим лицом нарушений условий сохранности, учета и безопасности хранения оружия.

Позиция заявителя: оспариваемое законоположение противоречит статьям 8 (часть 1), 15 (часть 2), 34 (часть 1), 35 (части 1–3), 37 (часть 1) и 46 (часть 1) Конституции РФ, поскольку позволяет рассматривать нарушение правил хранения оружия и патронов в качестве основания для аннулирования во внесудебном порядке выданного юридическому лицу разрешения на хранение и использование оружия и патронов к нему, тогда как часть четвертая той же статьи допускает аннулирование такого разрешения только в судебном порядке и лишь в том случае, если юридическим лицом в установленный судом срок административного приостановления его деятельности не были устранены допущенные нарушения правил в сфере оборота оружия и патронов к нему, повлекшие наложение наказания в виде административного приостановления деятельности.

Итоговый вывод решения: оспариваемое законоположение не соответствует Конституции РФ, ее статьям 17, 19 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (части 1–3) и 55 (часть 3), в той мере, в какой данное положение по смыслу, придаваемому правоприменительной практикой в системе действующего правового регулирования, предусматривающего аннулирование разрешения на хранение, использование оружия и патронов к нему на основании судебного решения и при предоставлении юридическому лицу возможности исправления выявленного нарушения, позволяет рассматривать несоблюдение юридическим лицом условий, обеспечивающих сохранность, учет и безопасность хранения оружия, в качестве основания для аннулирования выданного ему разрешения на хранение, использование оружия и патронов к нему в административном порядке.

Мотивы решения. Конституционное право собственности, включая правомочия вла-

дения, пользования и распоряжения имуществом, не является абсолютным и в силу статьи 55 (часть 3) Конституции РФ может быть ограничено федеральным законом в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Право граждан иметь в собственности оружие — учитывая, что Конституция РФ не исключает возможности обладания оружием на законных основаниях, — не будучи конституционно закрепленным, тем не менее приобретает конституционное значение, что обязывает государство гарантировать его защиту на основе вытекающих из преамбулы и статей 6 (часть 2), 17 (часть 3), 18, 19 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции РФ принципов равенства, справедливости и соразмерности (см.: *Постановление от 29 июня 2012 года № 16-П*).

Федеральный законодатель, закрепляя на основании статьи 71 (пункты «в», «м», «о») Конституции РФ право граждан иметь в собственности оружие, порядок его продажи и покупки, располагает достаточно широкой свободой усмотрения в определении видов оружия, условий и порядка их оборота, установлении видов и мер ответственности за нарушения в сфере оборота оружия. Вместе с тем оборот оружия как технических средств, конструктивно предназначенных для поражения живой или иной цели и, следовательно, способных причинить существенный вред жизни и здоровью людей, имуществу и природе, не только создает повышенную опасность для этих охраняемых Конституцией РФ ценностей, но и сопряжен с угрозой посягательства на другие конституционно значимые ценности, в том числе основы конституционного строя, нравственность, права и законные интересы граждан, безопасность государства, что требует от федерального законодателя установления механизма их защиты в рамках правового режима оборота оружия.

Соответственно, федеральный законодатель с учетом указанных обстоятельств на каждом историческом этапе, принимая во внимание условия развития общества, состояние правопорядка, уровень криминогенной обстановки и другие значимые факторы, вправе в рамках предоставленной ему дис-

креции по-разному определять порядок оборота оружия, включая условия прекращения права приобретать, хранить, носить и использовать оружие с тем, однако, чтобы был обеспечен баланс между защищаемыми Конституцией РФ ценностями, для которых оружие представляет потенциальную угрозу, и правом каждого на свободное занятие предпринимательской и иной экономической деятельностью и сопряженное с ним право иметь необходимое для такой деятельности имущество.

Оборот оружия, боеприпасов и патронов к нему на территории Российской Федерации урегулирован Федеральным законом «Об оружии». Выдавая разрешение на хранение, использование оружия и патронов к нему, уполномоченный орган тем самым подтверждает наличие у юридического лица соответствующих лицензионным требованиям условий для обеспечения надлежащего учета, сохранности и безопасного их хранения — во всяком случае, на момент выдачи разрешения (его переоформления или продления). Последующее выявление уполномоченным органом каких-либо несоответствий этим требованиям влечет в силу пункта 3 части первой статьи 26 Федерального закона «Об оружии» аннулирование в административном порядке ранее выданного разрешения.

Несоблюдение юридическим лицом, имеющим действующее разрешение на хранение, использование оружия и патронов к нему, требований, необходимых для получения соответствующего разрешения (его переоформления или продления), может иметь характер правонарушения, влекущего юридическую ответственность. Дела о таких административных правонарушениях рассматриваются судом (часть 1 статьи 23.1 КоАП РФ).

Судебный порядок аннулирования разрешения на хранение оружия в системе действующего правового регулирования распространяется также на разрешения на хранение и ношение, хранение и использование оружия.

Исключив возможность аннулирования лицензии и (или) разрешения выдавшими их органами (аннулирование в административном порядке) за нарушение правил оборота оружия и патронов к нему, федеральный законодатель заменил его судебным порядком аннулирования, которому предшествует наложение на юридическое лицо административного наказания в виде административно-

го приостановления деятельности. Указанное законодательное изменение направлено в том числе на усиление гарантий прав граждан и юридических лиц в сфере оборота оружия.

Законодательное закрепление возможности аннулирования выданных юридическим лицам разрешений на хранение, использование оружия и патронов к нему — как в судебном, так и в административном порядке, предполагающем право заинтересованных лиц на последующее судебное обжалование соответствующих решений, — само по себе не затрагивает конституционно защищаемое право собственности на оружие, иные права юридических лиц. Не затрагивает их и административное изъятие у юридических лиц оружия на временной основе — до решения уполномоченными органами вопроса об аннулировании разрешений.

Вместе с тем, как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 11 марта 1998 года № 8-П, предписание статьи 35 (часть 3) Конституции РФ о лишении имущества не иначе как по решению суда является обязательным во всех случаях, когда встает вопрос о применении санкции в виде конфискации имущества; последующий судебный контроль в данном случае не является достаточным с точки зрения обеспечения судебных гарантий права собственности, ибо одна только возможность судебного обжалования не исключает лишение собственности и без судебного решения; до вынесения судебного решения должностные лица вправе изымать у нарушителя вещи и документы, налагать арест на имущество, задерживать транспортные средства и т.д. именно потому, что все подобные меры, не являясь санкцией за совершенное правонарушение, не связаны с лишением имущества.

По смыслу приведенной правовой позиции Конституционного Суда РФ, аннулирование ранее выданного юридическому лицу разрешения на хранение, использование оружия и патронов к нему в качестве санкции за нарушения правил оборота оружия, влекущее принудительное изъятие оружия и, как следствие, создающее препятствия для выполнения юридическим лицом своих уставных задач, договорных и иных обязательств или делающее невозможным их выполнение, может иметь место только по судебному решению. В то же время федеральный законодатель впра-

ве допустить аннулирование такого разрешения и в административном порядке, например тогда, когда правовой статус юридического лица согласно действующему законодательству не позволяет ему приобретать (хранить, использовать) оружие (как это предусмотрено, в частности, применительно к гражданам в части двадцатой статьи 13 Федерального закона «Об оружии»).

Таким образом, федеральный законодатель вправе дифференцировать порядок аннулирования разрешений на хранение, использование оружия и патронов к нему, с тем чтобы обеспечить конституционные гарантии права собственности и защиту иных охраняемых конституционных ценностей, что также не исключает возможность применения в качестве меры административного принуждения изъятия оружия — до окончательного разрешения в установленном законом порядке вопроса об ответственности юридического лица.

Федеральный законодатель, руководствуясь принципом связанности государственных органов законом, а также принципом равенства всех перед законом и вытекающим из него принципом формальной определенности правового регулирования, не должен допускать, чтобы уполномоченный орган применительно к одним и тем же ситуациям мог произвольно выбирать разные процедуры и тем самым по своему усмотрению менять объем гарантий, предоставляемых контролирующему лицу.

Соответственно, аннулирование выданного юридическому лицу разрешения на хране-

ние, использование оружия и патронов к нему в качестве санкции за нарушение условий, обеспечивающих сохранность, учет и безопасность хранения оружия, должно иметь место только по судебному решению.

Однако в правоприменительной практике пункт 3 части первой статьи 26 Федерального закона «Об оружии» во взаимосвязи с положениями статьи 9 данного Федерального закона толкуется как допускающий аннулирование разрешений на хранение, использование оружия и патронов к нему, выданных юридическим лицам, по мотиву выявления нарушений условий, обеспечивающих сохранность, учет и безопасность хранения оружия, не только в судебном, но и в административном порядке, притом что выбор одного из двух возможных вариантов осуществляется самим выдавшим разрешение уполномоченным органом по собственному усмотрению.

Рассматриваемое правовое регулирование в силу его неопределенности позволяет, вопреки требованиям статей 17, 19 (часть 1), 34 (часть 1), 35 (части 1–3) и 55 (часть 3) Конституции РФ, придавать ему на практике смысл, при котором снижается уровень законодательных гарантий прав граждан (их объединений), чрезмерно ограничиваются экономическая самостоятельность и инициатива, свобода экономической деятельности и право собственности.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 1).

МАЙ • 2015

Постановление от 14 мая 2015 года № 9-П по делу о проверке конституционности пункта 5 статьи 11 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201505180026; дата опубликования: 18.05.2015)

Правовые категории в Постановлении: уголовное судопроизводство; право на судебную защиту; право на законный суд; неизменность состава суда.

Заявитель: Президиум Верховного Суда РФ (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 5 статьи 11 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» в той мере, в какой содержащимся в нем положением затрагивается вопрос о возможности продолжения рассмотрения по существу уголовного дела судьей, назначенным во время

рассмотрения этого дела на должность судьи в другой суд.

Позиция заявителя: оспариваемое законоположение противоречит статьям 47 (часть 1) и 121 (часть 2) Конституции РФ, поскольку в системе действующего правового регулирования оно порождает неопределенность относительно возможности окончания рассмотрения по существу уголовного дела, начатого с участием судьи, назначенного во время рассмотрения этого дела на должность судьи в другой суд.

Итоговый вывод решения: оспариваемое законоположение не соответствует Конституции РФ, ее статьям 1 (часть 1), 6 (часть 2), 17 (часть 3), 19 (часть 1), 46 (часть 1) и 47 (часть 1), в той мере, в какой содержащаяся в нем норма в системе действующего правового регулирования не обеспечивает согласованность организационных условий осуществления полномочий судьи, назначенного во время рассмотрения им уголовного дела на должность судьи в другой суд, с обусловленным Конституцией РФ требованием УПК РФ о рассмотрении уголовного дела неизменным составом суда и тем самым порождает неопределенность в вопросе о возможности продолжения рассмотрения таким судьей уголовного дела по существу. Признание оспариваемого законоположения не соответствующим Конституции РФ не ставит под сомнение законность суда, в состав которого входил судья, назначенный во время рассмотрения уголовного дела в другой суд, но продолживший рассмотрение этого дела.

Мотивы решения. Согласно Конституции РФ правосудие в России осуществляется только судами как носителями судебной власти в системе разделения властей (статья 10, часть 1 статьи 118, статья 124); судьи независимы, несменяемы и неприкосновенны, они подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону, их полномочия могут быть прекращены или приостановлены не иначе как в порядке и по основаниям, установленным федеральным законом (статьи 120–122).

Право на судебную защиту предполагает, что рассмотрение дела должно осуществляться не произвольно выбранным, а законно установленным судом, то есть судом, чья компетенция по рассмотрению данного дела определяется на основании закрепленных в

законе критериев, которые в нормативной форме (в виде общего правила) заранее определяют, в каком суде будет рассмотрено то или иное дело, что позволяет суду, сторонам и другим участникам процесса избежать правовой неопределенности в этом вопросе, которую в противном случае приходилось бы устранять посредством решения, основанного на дискреции правоприменительного органа или должностного лица (см.: *постановления от 16 марта 1998 года № 9-П, от 2 февраля 1999 года № 3-П, от 25 февраля 2004 года № 4-П, от 6 апреля 2006 года № 3-П, от 21 января 2010 года № 1-П, от 21 апреля 2010 года № 10-П, от 9 июня 2011 года № 12-П, от 20 июля 2012 года № 20-П*).

По смыслу статей 46 (часть 1) и 47 (часть 1) Конституции РФ во взаимосвязи с ее статьями 19 (часть 1), 121 и 128 (части 2 и 3), а также норм международно-правовых актов предоставляемое каждому право на судебную защиту, включая право на законный суд, предполагает в том числе неизменность состава суда при рассмотрении им конкретного дела и недопустимость произвольного изменения его состава.

Конституционное положение о праве на законный суд и развивающие его нормы уголовно-процессуального закона о неизменном составе суда не могут исключать в то же время в действующем законодательстве предписаний, обеспечивающих надлежащее функционирование судебной власти, в том числе о карьерном продвижении судей, их перемещении из одного суда в другой, а это предполагает, что соответствующие законоположения должны корреспондировать друг другу.

Следовательно, конституционное требование о законном суде предполагает не только наличие в процессуальном законе положений, определяющих тот суд и того судью, к подсудности которых относится рассмотрение конкретного дела, но и согласование с этими положениями соответствующих норм о судопроизводстве и судоустройстве, с тем чтобы были соблюдены конституционные гарантии судебной защиты в разумный срок и требования, обеспечивающие ее эффективность. Законодательное регулирование, не отвечающее данным критериям, создает возможность неоднозначного истолкования и произвольного применения соответствующих норм, по-

рождает противоречивую правоприменительную практику и тем самым нарушает конституционные гарантии государственной, в том числе судебной, защиты прав, свобод и законных интересов граждан, включая реализуемые в процедурах уголовного преследования за совершение преступления (статья 45, части 1 и 2 статьи 46, часть 1 статьи 49 Конституции РФ).

При определении соотношения правового регулирования, содержащегося в УПК РФ и в других законодательных актах, следует учитывать закрепленную Конституцией РФ (часть 3 статьи 76) иерархию федеральных конституционных законов и федеральных законов, а также правило о том, что в случае коллизии между законами равной юридической силы приоритетными признаются последующий закон и закон, который специально предназначен для регламентации соответствующих правоотношений. При этом значимым ориентиром для разрешения коллизии законов в контексте конституционных предписаний в любом случае является требование о приоритетности прав и свобод человека и гражданина, которые, в частности, определяют смысл, содержание и применение законов (статьи 2 и 18 Конституции РФ). Именно это требование прежде всего предполагает содержательную согласованность норм, определяющих организацию государственной, в том числе судебной, власти, с нормами о деятельности органов публичной власти в соответствующих сферах: ни в законотворчестве, ни в правоприменении недопустима ситуация, когда необходимость полноценной реализации процессуальных гарантий приносится в жертву простоте и очевидности организационных решений в сфере судоустройства.

Указ Президента РФ о назначении лица, уже являющегося судьей, в другой суд не лишает его статуса и полномочий судьи как носителя судебной власти, не ставит под сомнение его квалификацию, независимость и беспристрастность, напротив, подтверждает соответствие требованиям высокого звания судьи. Не регламентирует названный акт и уголовно-процессуальные отношения, а потому не дает оснований для их прекращения или изменения. В то же время указание в пункте 5 статьи 11 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» на то, что с момента назначения судьи на новую судебскую

должность он пребывает именно в ней, также достаточно категорично и недвусмысленно. Однако правовое регулирование не должно создавать условия для того, чтобы само по себе назначение судьи на судебскую должность в другой суд расценивалось как безусловное юридическое препятствие для рассмотрения им по существу дела, начатого с его участием. Иначе ставилось бы под сомнение основанное на предписании статьи 47 (часть 1) Конституции РФ право обвиняемого на рассмотрение его дела тем составом суда, к подсудности которого оно отнесено законом (право на законный суд), возникающее с момента принятия судом решения о назначении судебного заседания по уголовному делу (назначении предварительного слушания), вынося которое суд руководствуется процессуальным законом, действующим во время принятия этого решения (см.: *Постановление от 19 апреля 2010 года № 8-П*).

Правила, по которым разрешался бы вопрос, имеющий публично-правовое значение, должны быть нормативно закреплены в законе, причем ясно, четко и недвусмысленно.

В этом аспекте дефект оспариваемой нормы состоит в том, что, определяя момент начала и прекращения судебных полномочий на основании указа Президента РФ и тем самым отвечая предписаниям Конституции РФ, в том числе ее статье 128 (часть 2), она, однако, не содержит оговорку, в силу которой назначение судьи в другой суд не отменяет, по общему правилу, его полномочие продолжить (окончить) рассмотрение дела, начатого с его участием.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (пункт 1 статьи 6); Международный пакт о гражданских и политических правах (пункт 1 статьи 14); Основные принципы независимости судебных органов, одобренные резолюциями Генеральной Ассамблеи ООН 40/32 от 29 ноября 1985 года и 40/146 от 13 декабря 1985 года (пункт 18); Рекомендация Rec (2010) 12, принятая Комитетом Министров Совета Европы 17 ноября 2010 года (пункты 6, 9 и 44); Рекомендация Rec (94) 12, принятая Комитетом Министров Совета Европы 13 октября 1994 года (подпункты «с», «f» пункта 2 принципа I и пункт 2 принципа II).

Постановление от 18 мая 2015 года № 10-П по делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»

(Официальный интернет-портал правовой информации (<http://www.pravo.gov.ru>); номер опубликования: 0001201505200015; дата опубликования: 20.05.2015)

Правовые категории в Постановлении: право на судебную защиту; требования кредиторов; несостоятельность (банкротство); исключение из ЕГРЮЛ.

Заявитель: ООО «Отделсервис» (в порядке части 4 статьи 125 Конституции РФ).

Предмет рассмотрения: пункт 2 статьи 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» в той мере, в какой на основании содержащегося в нем положения в административном порядке (по решению регистрирующего органа) решается вопрос об исключении из Единого государственного реестра юридических лиц (ЕГРЮЛ) юридического лица, имеющего признаки недействующего, в отношении которого судом по заявлению кредитора введена процедура банкротства.

Позиция заявителя: оспариваемое законоположение противоречит статье 46 (часть 1) Конституции РФ в той мере, в какой позволяет налоговым органам в административном порядке принимать решение об исключении из ЕГРЮЛ юридического лица, в отношении которого судом по заявлению кредитора введена процедура банкротства, что является основанием для прекращения, в частности, производства по делу о признании данного юридического лица несостоятельным (банкротом).

Итоговый вывод решения: оспариваемое законоположение не соответствует Конституции РФ, ее статьям 35 (части 1, 2 и 3), 46 (часть 1) и 55 (часть 3), в той мере, в какой в системе действующего правового регулирования содержащееся в нем положение допускает исключение в административном порядке (по решению регистрирующего органа) из ЕГРЮЛ юридического лица, имеющего признаки недействующего, в отношении которого судом по заявлению кредитора введена процедура банкротства.

Мотивы решения. При определении правового положения коммерческих организаций как участников гражданского оборота и пре-

делов осуществления ими своих прав и свобод законодатель обязан обеспечивать баланс прав и законных интересов участников гражданских правоотношений, в том числе кредиторов (см.: *Постановление от 18 июля 2003 года № 14-П*).

Нормативные положения, позволяющие исключать юридическое лицо из ЕГРЮЛ в упрощенном (внесудебном) порядке, были введены с целью актуализации данных ЕГРЮЛ путем его очистки от сведений о значительном числе юридических лиц, фактически прекративших свою деятельность. Как указал Конституционный Суд РФ в Постановлении от 6 декабря 2011 года № 26-П и в определениях от 17 января 2012 года № 143-О-О и от 17 июня 2013 года № 994-О, такое правовое регулирование направлено на обеспечение достоверности сведений, содержащихся в данном реестре, поддержание к ним доверия со стороны третьих лиц, предотвращение недобросовестного использования фактически недействующих юридических лиц и тем самым — на обеспечение стабильности гражданского оборота.

Закон при этом предусматривает определенные гарантии выявления лиц, заинтересованных в сохранении правоспособности должника и в защите своих прав. В случае выявления в установленном порядке таких лиц решение об исключении недействующего юридического лица из ЕГРЮЛ не принимается, и такое юридическое лицо может быть ликвидировано в установленном гражданским законодательством порядке. Также законодательно обеспечена возможность восстановления регистрационного учета по обращению лиц, чьи права нарушены, на основании решения суда (пункты 3—4 статьи 21.1 Федерального закона «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»). Таким образом, оспариваемое законоположение само по себе не может рассматриваться как противоречащее Конституции РФ.

Гарантируя государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина, Конституция РФ одновременно закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (статья 45). К числу таких способов применительно к защите имущественных прав кредитора относится обращение в суд с заявлением о признании должника несостоятельным (банкротом) либо заявление своих требований как конкурсного кредитора в рамках уже возбужденного дела несостоятельности. Реализуя указанное право, кредитор тем самым выражает свою волю на проведение предусмотренных Федеральным законом «О несостоятельности (банкротстве)» процедур и удовлетворение своих требований к должнику именно в рамках дела о банкротстве, проводимого под контролем суда.

При этом статьей 28 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» предусмотрен механизм раскрытия информации по делам о банкротстве юридических лиц, направленный на своевременное информирование участников гражданско-правовых отношений и федеральных органов исполнительной власти, наделенных полномочиями по ведению ЕГРЮЛ, о фактах деятельности юридических лиц и о введенных судом в отношении них процедурах банкротства.

Ликвидация должника — юридического лица, в отношении которого по заявлению кредитора возбуждено дело о банкротстве, и исключение его из ЕГРЮЛ возможны лишь по завершении процедуры конкурсного производства, в рамках которой и должна быть обеспечена надлежащая защита имуществен-

ных прав кредиторов. Принятие же регистрирующим органом решения об исключении юридического лица из ЕГРЮЛ фактически предопределяет вынесение судебного решения о прекращении производства по делу о банкротстве данного юридического лица ввиду отсутствия должника *de jure* на основании пункта 5 части 1 статьи 150 АПК РФ. Таким образом, прекращение правоспособности юридического лица в административном порядке в период осуществления процедур банкротства приводит к необоснованному ограничению прав кредитора и несовместимо с конституционными принципами самостоятельности судебной власти, независимости суда и его подчинения только Конституции РФ и федеральному закону.

Суд также отметил, что признание оспариваемого положения не соответствующим Конституции РФ не исключает правомочия федерального законодателя установить правовое регулирование, направленное на обеспечение должного баланса законных интересов всех участников соответствующих правоотношений, в том числе прав и законных интересов кредиторов, обратившихся в арбитражный суд с заявлениями о признании банкротом должника, обладающего признаками недействующего юридического лица.

Акты международного права, использованные в Постановлении: Протокол № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (статья 1).

Обзор подготовили: Тимофей Виноградов, Ярослава Гребенщикова, Ольга Подоплелова. Редактор: Татьяна Храмова.